

---

Г. В. МАРКЕЛОВ

## Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома

В течение сорока лет своего существования Древлехранилище Пушкинского Дома ежегодно пополняется все новыми и новыми рукописными находками. Регулярные археографические экспедиции в северные районы страны доставляют в фонды хранилища десятки рукописных книг литературного, исторического, литургического и т. п. содержания. На основе изучения этих рукописей создано большое количество научных работ и публикаций, посвященных разным аспектам истории отечественной литературы. Однако в фондах Древлехранилища имеются и такие рукописи, которые за редчайшим исключением не привлекали внимания исследователей до сих пор. Речь идет об архивных материалах, документах, деловых бумагах, которые также были найдены во время археографических поездок на Север за последние 40 лет. Найденные в крестьянских домах, эти документы являются неотъемлемой частью местной рукописно-книжной традиции, важнейшим фактором местной культуры и представляют собой ценнейшие источники по духовной и материальной истории севернорусского крестьянства.

Первым обратил внимание на возможность и необходимость изучения и собирания крестьянских документов основатель Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышев. В 1962 г. он писал: «Для литературоведов интерес представляет не только самое произведение, но и детали быта, в условиях которого создавалось или жило это произведение. Вот почему, нам кажется, бесполезным будет изучение переписки и деловых бумаг усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв., освещающие еще малоизученные стороны быта местных жителей. Эти материалы помогают исследователям восстановить картину жизни Печерского края XVIII—XIX вв., когда здесь еще почти в полной мере сохранялась рукописно-книжная традиция древней Руси».<sup>1</sup> В сущности, эта статья В. И. Малышева осталась единственной публикацией на интересующую нас тему. Между тем фонд крестьянских документов в Древлехранилище рос неуклонно, и их нынешнее количество достаточно велико и разнообразно, что позволяет перейти к их обобщению и оценке, чему и посвящена эта статья.

В настоящее время в северных территориальных фондах Древлехранилища Пушкинского Дома (Пинежское, Северодвинское, Печорское, Мезенское, Карельское, Красноборское и другие собрания) находится свыше 300 единиц хранения, включающих как отдельные документы, так и целые папки с деловыми бумагами, всего свыше 2000 листов. Представительна

---

<sup>1</sup> Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442.

хронология документов — от начала XVII столетия до середины текущего века, хотя к XVII в. относится всего несколько десятков рукописей. Большая часть деловых бумаг XIX в., меньший процент бумаг XVIII в. и начала XX в. Наиболее часто встречающимся типом документов являются всевозможные хозяйственные и юридические акты, отражающие социально-экономические стороны крестьянской жизни трех столетий. Немало документов касается бытовой и правовой сторон развития сельской общины на Севере. Весьма значительно число крестьянских писем XVIII—XX вв., причем среди находок археографов имеются как отдельные разрозненные письма, так и целые подборки сотен образцов частной переписки нескольких поколений крестьян. Большой интерес должны вызвать находящиеся в Дреллехранилище крестьянские мемуары, записи отдельных воспоминаний, дневники, автобиографические записки и т. п. — материал, наличие которого именно в крестьянской среде даже и не предполагалось исследователями. Все перечисленные категории документов дошли до нас или по отдельности или были обнаружены археографическими экспедициями в составе комплексов домашних родовых архивов севернорусских крестьян.

История формирования фамильного крестьянского архива — вопрос, требующий особого изучения в дальнейшем. Пока хочу обратить внимание на несколько, на мой взгляд, важных факторов, определяющих контекст изучения этой проблемы. Севернорусское крестьянство (а мы можем пока опираться на архивы именно этой категории крестьян) обладало на протяжении веков личной независимостью, собственными землями, свободой хозяйственного маневра. Нравы и общественные обычаи определялись установками православной (в большинстве своем здесь на Севере — старообрядческой) церкви. Семейный быт и традиции формировали личность крестьянина в духе веками выработанных принципов народного здравого смысла. Опыт предыдущих поколений представлялся неукоснительным образцом во всех проявлениях жизни — и в духовной и в материальной сферах. Почти повсеместная грамотность севернорусских крестьян предоставляла равные возможности: грамотно (цивилизованно!) вести хозяйство, опираясь на законность права, выраженного в разных сохраняемых документах, с одной стороны, а с другой — «насыщаться духовно» в чтении собственных древнерусских книг и рукописей. Отсюда — родовые крестьянские библиотеки, передаваемые из поколения в поколение, отсюда же — семейные архивы, принадлежавшие тем же владельцам.<sup>2</sup> Сохраняя у себя в доме бумаги двухсотлетней давности, крестьянин руководствовался не наивным скопидомством, а традиционным убеждением в ценности и полезности сберегаемых документов, завещанных от отцов и дедов.

Больше всего сохранилось крестьянских архивов на богатой древними книгами, традициями и фольклором Пинеге. В Пинежском собрании (далее — Пин.) Дреллехранилища находится двенадцать таких архивов, причем большая часть их была найдена за последние десятилетия. Старейший среди них архив Поповых (Пин., № 233—278) содержит около 50 документов с 1606 по 1917 г. В этом фамильном архиве имеются бумаги, касающиеся разных сторон жизни более чем 10 поколений одного пинежского рода.<sup>3</sup> Разумеется,

<sup>2</sup> Такими владельцами и собственной библиотеки и архива были пинежане Поповы с начала XVII в. См. об этом статью: Савельева Н. В. Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования (в печати).

<sup>3</sup> Перечень бумаг этого архива см.: Сими́на Г. Я., Шусторович Э. М. Описание Пинежского собрания рукописей, хранящихся в кабинете русского языка Ленинградского университета // Вестн. ЛГУ. № 20. Сер. истории языка и литературы. Л., 1966. Вып. 4. С. 132—143. В 1966 г. все рукописи переданы в Дреллехранилище Пушкинского Дома. Подробнее см.: Савельева Н. В. Библиотека пинежан Поповых (в печати).

надо учитывать, что дошли до нас семейные архивы отнюдь не в полном составе.

Представительным примером состава домашнего архива севернорусского крестьянина является найденный в 1987 г. архив кеврольцев Чеусовых—Белюсовых (Пин., № 664—731). Бумаги из него хранились в заколоченном деревенском доме, принадлежавшем последнему наследнику по прямой из рода Белюсовых. Несколько связок столбцов и отдельных листов содержали документы, датированные 1640—1854 гг., т. е. за период в 214 лет прослеживаются отдельные моменты жизни почти 7 поколений. Из 67 дошедших до нас документов к XVII в. относится 19 ед., к XVIII в. — 35 ед., к XIX в. — 11 ед. По 1745 г. бумаги связаны с фамилией Чеусовых, остальные переходят по прямой родственной связи к роду Белюсовых. Все они территориально «привязаны» к одной местности. Многие из упомянутых в документах крестьян этого древнего рода занимали различные выборные должности — сельских старост, соцких, сборщиков податей и т. п. По типам документы архива распределяются так: долговые расписки, «приимки» (по местному наименованию) и квитанции различных денежных сборов,<sup>4</sup> их в архиве больше всего; затем следуют по числу документов всевозможные дельные и меновые записи и купчие крепости; записи, фиксирующие выборы на общественные должности, а также 2 челобитные, 3 договорные записи, 2 закладные; есть документы, связанные с отправлением нескольких уголовных дел. Из документов архива можно почерпнуть сведения о составе и росте крестьянского хозяйства за весьма длительный период, стоимость и оценку всевозможных видов крестьянского имущества и работ, виды хозяйственной деятельности, включающей, например, поездки пинежских крестьян на строительство Двинской крепости в Архангельск и в Петербург (выборная роспись 1717 г.), охрану веркольскими крестьянами листовичных лесов, ведение уголовных дел в деревнях в 1723 и 1769 гг. и многое другое. Один из документов архива — строительная порядная запись о возведении в Верколе в 1642 г. храма — публикуется историком архитектуры М. И. Мильчиком в этом же томе.<sup>5</sup>

Архив Чеусовых—Белюсовых по качеству и сохранности документов не единственный. Более 60 документов за период с 1740 по 1908 г. сохранилось от семейного архива сурских крестьян Мерзлых (Пин., № 436). 36 документов 1722—1872 гг. осталось от родового архива пинежан Спириных (Пин., № 460). Около 20 бумаг из архива штоггорцев Земцовских содержат данные за период с 1854 по 1916 г. (Пин., № 739). Ряд документов Пинежского собрания повествует об отдельных моментах жизни почти пяти поколений кеврольцев Томиловых (Пин., № 591—616).

К комплексам фамильных архивов примыкают и отдельные сохранившиеся документы пинежских крестьян. Среди них отметим разрозненные крестьянские купчие и закладные (Пин., № 495), духовные завещания и брачные свидетельства (Пин., № 488, 520, 523, 525), платежные книжки 1875—1919 гг. (Пин., № 335), крестьянские записные книжки, содержащие приходо-расходные записи, долговые пометы, фенологические наблюдения, школьные упражнения, черновики писем и документов и многое другое (Пин., № 424, 552, 623, 758). Любопытно, что среди деловых записей в такого рода книжках встречаются тексты деревенских песен,

<sup>4</sup> Наличие в архиве именно данного типа документов вначале навело на мысль, что перед нами остатки архива Кеврольской приказной избы.

<sup>5</sup> Мильчик М. И. Строительная порядная запись 1642 года из архива пинежских крестьян. См. настоящее издание. С. 509—517.

чапушек, романсов, а нередко и заговоров. Нередки здесь и записи поминального характера, заменявшие крестьянам родословные таблицы.

Целый ряд документов Пинежского собрания отражает внутриобщинное устройство и жизнь северной деревни XVII—XIX вв. (Пин., № 57, 61, 309, 484, 510, 579, 622). В собрании представлены различные распорядительные и иные правовые акты, в которых упомянуты местные жители (Пин., № 138, 170, 310, 324, 332, 489, 490, 580, 645, 752). Немало в собрании и разрозненных крестьянских писем XIX—XX вв., свидетельствующих о внутрисемейных, дружеских и деловых аспектах жизни пинежских крестьян (Пин., № 45, 46, 161, 356, 437, 461, 554, 753). Последний вид документов следует соотносить вообще с текстами разнообразных посланий сельских старообрядческих авторов, полемизировавших на разные актуальные темы со своими адресатами. Данный вид переписки также почти не исследован как жанр, а между тем полемических посланий встречается немало среди рукописей, бытовавших у северян-старообрядцев.

К счастью, не только Пинега в лице своих грамотеев хранила архивные материалы. Деловых бумаг немало хранится в Северодвинском собрании (далее — СДв.) и Красноборском собрании (далее — Кр.). Родовой архив Копыловых-Сухановых—Никоновых (СДв., № 76) содержит около 60 документов за 1704—1940 гг. В течение многих лет археографы привозили разнообразные документы XIX—XX вв., связанные с именем красноборца Н. П. Шестакова (Кр., № 136, 182, 184, 186, 214, 225). Достаточно полно представлен архив В. И. Третьякова (СДв., № 222, 292, 309, 397), в котором среди нескольких записных книжек встречаются листы с прорисями икон и целые томики выписок из богословских и канонических трудов: ведь сам Василий Иванович был известным северодвинским наставником, переписчиком книг и иконописцем. Фрагменты родовых архивов Никонова (Кр., № 135), Софроновых (СДв., № 503), Орлова (СДв., № 187) в известной степени отражают особенности жизни и быта местных крестьян в XIX столетии. Немало документов в собраниях по уездному городу Красноборску (Кр., № 134, 1861—1921 гг.), по жизни сельских общин (Кр., № 181, 183, 185, 194, 208). Отдельные правовые акты (Кр., № 46, 48, 98, 99, 109, 170, 193, 204, 210, 212, 213; СДв., № 293, 301) касаются обстоятельств местной жизни почти за полтора столетия (1796—1916 гг.).

Разнообразно представлена крестьянская переписка (Кр., № 6, 31, 45, 47, 59, 81, 114, 115, 135, 215, 269—327; СДв., № 217, 308, 323, 324, 386, 394, 457, 467, 611), причем среди частных бытовых крестьянских писем XIX—XX вв. нередко встречаются и серьезные объемистые послания местных старообрядческих деятелей-полемистов.

Редкая, но весьма красноречивая запись, свидетельствующая о высоком самосознании красноборских крестьян, имеется в дневниковой книге семьи Витязевых (Кр., № 58). Среди памятных записей этой рукописи, описывающих хозяйство, усадьбу, урожай и т. п., имеется родословный перечень имен с библейской формулировкой кто кого родил, насчитывающий к 1853 г. имена 10 поколений предков! Этот род красноборских крестьян дал России, между прочим, Самсона Суханова, бывшего подрядчиком и каменотесом на строительстве Казанского и Исаакиевского соборов Петербурга.

Уникальный документ хранится в составе коллекции рукописей и книг крестьян из села Борок на Северной Двине Амосова—Богдановой (далее — АБ). Эта книга записей выдачи книг из библиотеки В. М. Амосова за 1899—1916 гг. (АБ, № 182), причем каждая выдаваемая на руки читателю книга имела инвентарный номер, библиографическое описание, пометы, кому и когда выдана и когда возвращена. Частная крестьянская библиотека

была по существу публичной! В этом же собрании находятся и личные архивы владельцев библиотеки В. М. Амосова (АБ № 192, 193) и А. Ф. Богдановой (АБ, № 194).<sup>6</sup> Деловые бумаги XVII—XX вв. имеются и в других северных территориальных собраниях Древлехранилища. В Мезенском собрании (далее — Мез.) имеются остатки родового архива крестьян Булатовых за 1831—1870 гг. (Мез., № 56), крестьян Прокопьевых за 1802—1876 гг. (Мез., № 57), Никонова (Мез., № 177). Отдельные документы сохранились в Карельском собрании (№ 143, 180, 475, 588, 589, 593), в Верхнепечерском (№ 47, 59, 101, 105), в Усть-Цилемском новом (№ 240, 241) и Вологодском (№ 40, 41, 50, 51, 56, 57, 62) собраниях.

После публикации В. И. Малышевым писем печорских крестьян за истекшие годы значительно прибавился этот фонд крестьянской эпистографии. Почти два десятка писем разных авторов могли бы дополнить статью В. И. Малышева (Усть-Цилемское новое собр., № 12, 69, 70, 84, 85, 86, 102, 106, 133, 165, 231, 324, 334, 337, 339, 340, 364, за 1767—1915 гг.). Крестьянские письма примерно за этот же период находятся в Карельском (№ 146—155, 590) и Мезенском собраниях (№ 71—74, 174—176).

В настоящее время в Древлехранилище имеется несколько сотен подлинных крестьянских писем XVIII—XX вв. Многие из них дошли до нас в составе семейных архивов и в совокупности с деловыми бумагами рисуют нам достаточно цельную картину севернорусского быта, традиций, психологии и нравов. Письма содержат широчайший диапазон тем: от сложнейших богословско-полюемических посланий-трактатов, которыми обменивались старообрядцы, до скупых, правленных военной цензурой солдатских писем домой с полей сражений мировых войн. Их отличает определенный этикет выражений и содержания, деликатность, сдержанность, уважительность обращений и другие, только им присущие черты, которые отличают их от эпистолярного наследия иных слоев русского общества. Ценнейшим в этом отношении оказался недавно найденный в Архангельской области семейный архив верхнеборецких крестьян Истоминых (СДв., № 707—738). Среди большого количества самых разнообразных деловых бумаг трех поколений крестьян (1884—1970 гг.) нашлось несколько сотен (!) писем. Только письма Павла Прокопьевича Истомина к жене Анне Макаровне за период с 1902 по 1921 г. занимают 329 листов. Почти такой же по объему является подборка писем Андрея Макаровича Истомина к родителям с 1899 по 1917 г. В письмах содержится описание солдатской службы, жизнь и быт демобилизованного солдата в Петербурге, события 1905 г., участие в боях русской армии на фронтах первой мировой войны, февральская революция, быт северодвинских речников, события гражданской войны в Архангельской губернии и многое другое. В письмах слышны живые голоса людей, переживающих и оценивающих события, ставшие роковыми в русской истории. Читая эти письма, мы имеем редчайшую возможность взглянуть на эти события как бы изнутри, из толчи огромного и почти неведомого народного самосознания. Ценность архива Истоминых дополняется перепиской Николая Яковлевича Истомина за 1928—1970 гг., включающей его письма домой с фронтов Великой Отечественной войны, письма к нему односельчан, друзей и однополчан.

Трудно переоценить значение и другого, также недавно найденного архива борецких крестьян Задориных (СДв., № 739—749). И здесь среди деловых бумаг 1892—1946 гг. нашлись чудом уцелевшие письма Ивана Тимофеевича Задорина, бывшего колхозника, репрессированного по кле-

<sup>6</sup> См.: Сазонова Л. И. Северодвинская крестьянская библиотека // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975. С. 162—167.

ветническому доносу и оказавшегося без всякого суда и следствия в «Онеголаге» НКВД в 1938 г. вместе с многими своими односельчанами. Севернорусский крестьянин целиком и полностью разделил со своими братьями судьбу своего многострадального отечества. В архиве Задориных есть и иные впечатляющие документы по колхозному «строительству» в северной деревне (СДв., № 738) и по жизни и быту эвакуированных в эту местность в 1942 г. иногородних людей (СДв., № 749).

Кстати, позволю себе упомянуть здесь и другие документы советского периода, касающиеся трагической эпохи раскрестьянивания северной деревни 20—30-х гг. Это письма и бумаги Е. Е. Барановой (СДв., № 470), письмо ссыльного из Красногорска от 1937 г. (Кр., № 76), «Книга протоколов заседаний и пленумов Прилуцкого сельсовета» за 1936 г. (СДв., № 851), архив сельской учительницы Л. В. Поповой (1892—1985 гг.) (СДв., № 855—859). Надо сказать, что хронология крестьянских документов в семейных архивах прерывается, как правило, на рубеже 20—30-х гг. не случайно: Дошедшие до нас документы 50-летней давности очень редки, и это понятно: ведь они могли стать при известных обстоятельствах уликой, и их сознательно уничтожали. Тем ценнее каждый сохранившийся документ этой эпохи.

Теперь я бы хотел привлечь внимание читателей к особому виду крестьянских рукописей, занимающему как бы промежуточное положение между литературой и деловой письменностью. Речь идет о крестьянских мемуарах, дневниках, автобиографических записках и т. п. рукописях, число которых в фондах Древлехранилища не превышает двух десятков. В Мезенском собрании хранится рукопись (№ 151) 1893—1909 гг. местного крестьянина Г. Я. Ситникова 1858 г. рождения. Значительную часть ее занимают записи снов, виденных и запомнившихся Ситникову, однако автор записал и немало всевозможных примечательных событий и эпизодов из жизни мезенских крестьян. Случаи эти чаще всего были связаны либо с проявлением чудесной благодати и покровительства со стороны местнотимого святого Иова Ущельского, либо описываемые Ситниковым эпизоды из его личной жизни он интерпретирует как явленные знамения превосходства старообрядчества над «никонианской» верой. Записки Ситникова в какой-то степени позволяют проследить, как зарождались в старину повествования, репродуцирующие местные события в церковно-учительном духе, как подобного рода тексты могли бы послужить какому-нибудь местному книжнику материалом для составления повести в традициях древнерусской литературы. Причем записки подобного рода корреспондируют с творчеством такого замечательного писателя, как печорский крестьянин И. С. Мяндин, открытый В. И. Малышевым.<sup>7</sup>

Сходные по содержанию записки вел уже в середине нашего столетия печорский житель С. А. Носов (Усть-Цилемское новое собр., № 338). В его рукописи содержатся описания «видений», которые автор интерпретирует в мистическом плане, придавая запискам оригинальную литературную форму. И хотя в рукописи Носова речь идет о предметах и понятиях современной цивилизации (электрическая лампочка, мотоциклы, витрины книжного магазина и т. п.), автор истолковывает свои видения в духе старинных (читай — средневековых) эсхатологических установок. В этой связи не лишне упомянуть и о таком факте нынешнего религиозного народного сознания, как хождение по рукам всевозможных современных апокрифов, вроде «Святого письма», текст которого мы нередко находим в своих почтовых ящиках,

<sup>7</sup> Малышев В. И. Усть-цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность. Л., 1985. С. 323—337.

или апокрифического «сказания» о чуде, происшедшем с некоей жительницей г. Барнаула К. Устюжиной, «воскресшей» в 1960 г. из мертвых. Рукописный текст этого сказания найден в архиве жительницы с. Борок Н. А. Пироговой в 1978 г. вместе с другими апокрифическими молитвами, духовными стихами и т. п., переписанными в школьные тетрадки (СДв., № 504).

Некоторые крестьянские записи носят вполне исторический светский характер. Среди них мы найдем описания путешествий, как в «Книге щетной морской и ходовом журнале» крестьянина Вадаева (АБ, № 171, рукопись конца XVIII в.), описавшем плавание из Кеми в Архангельск с заходом судна на Рейнские острова северной Норвегии;<sup>8</sup> записки устьцилемца А. Ф. Бобрецова, служившего на императорской яхте «Полярная звезда» и участвовавшего в плаваниях судна в 1893—1899 гг. (УЦ., № 186); отрывки из записей бывшего матроса гвардейского экипажа двинчанина Ф. С. Лапова (СДв., № 294, рукопись последней трети XIX в.). Очень интересен дневник пинежанина Афанасия Лобанова, служившего на броненосце «Император Николай» (Пин., № 39). В дневнике Лобанов описывает как очевидец и участник плавание русской эскадры, Цусимское сражение 14—15 мая 1905 г., подробности пребывания в японском плену в г. Фукуока, милосердие японских женщин и т. п. В дневнике встречаются тексты народных песен и романсов, стихи собственного сочинения, черновики писем домой родителям.

Любопытен подробностями военного быта дневник солдата пулеметной команды 1-го Финляндского стрелкового полка пинежанина С. Н. Томилова. В дневнике описаны фронтовые события с июля по ноябрь 1914 г. в Курляндии, Восточной Пруссии и Польше (Пин., № 614). Имеются дневниковые записи в солдатской книжке пинежанина П. Н. Никифорова за 1910—1912 гг. (Пин., № 754).

События первой мировой войны отражены в воспоминаниях жителя д. Лохново пинежанина С. А. Ступина, которые он составил в 1971 г. (Пин., № 518). В них Ступин повествует о русских военнопленных, работавших на шахтах в Германии, возвращение на родину в 1919 г., свое участие в боях с белыми в Архангельской губернии, хлебную продрозверстку, организацию колхозов на Пинеге и др. Автобиографические воспоминания оставил крестьянин д. Халуй Каргопольского района П. С. Третьяков о начале войны 1914 г., о разделе земли в 1917 г., о забавном эпизоде из жизни монахов Александро-Ошевенского монастыря (Кар., № 574). Краткое жизнеописание оставил в 1928 г. лешуконский крестьянин Н. Г. Багрецов (Мез., № 177). В этой исповеди он описывает свою жизнь, полную несчастий, горя, скорбей и болезней. Все тяготы жизни воспринимались им как наказание за грехи, и только в уповании на милосердие Господне он завещает своим детям находить надежду и отраду.

Тяготы провинциальной жизни, интимные переживания юной томящейся души, сентиментальные порывы запечатлены на страницах дневника за 1895—1906 гг. молодого писаря Черевковского волостного правления Андрея Петрова (Кр., № 111). Изобилует бытовыми и этнографическими подробностями дневник неустановленного лица от 80-х гг. XIX в., отправленного под конвоем в ссылку по этапу через Пинегу и Мезень (Мез., № 155). Образованный автор живо описывает крестьянский быт, нравы, обряды и поверья севернорусской деревни, включая крестьянские заговоры («отпуски») скота, встречи с колдунами-коновалами и т. п.

<sup>8</sup> См.: Алимова Т. А. Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 390.

Целая панорама крестьянской жизни с конца прошлого до середины нынешнего столетия запечатлена в автобиографических воспоминаниях красноборского крестьянина, жителя деревни Пермогорье, Ивана Степановича Карпова (1888—1986 гг.) (Кр., № 162). Несомненно литературно одаренный автор соединил в своем жизнеописании черты и жития, и хроники, и исповеди. И. С. Карпову выпало на долю пережить почти все мыслимые перипетии судьбы русского крестьянина XX столетия, и он описал их как мог, как понял, увидел и почувствовал. Его цельное талантливое произведение — это драгоценный человеческий документ, наполненный христианским духом надежды и доброты. Подлинность, невыдуманность повествования Карпова, его удивительно живой язык, наблюдательность и точность в описаниях делают его жизнеописание выдающимся памятником русской крестьянской литературы.<sup>9</sup>

В. И. Малышев любил повторять, что собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома представляет собой фактически «огромную крестьянскую библиотеку». Перефразируя эту бесспорную мысль основателя Древлехранилища, можно теперь утверждать, что имеющийся здесь документальный активный материал следует рассматривать как огромный архив севернорусского крестьянина, общекультурное значение которого трудно переоценить.

---

<sup>9</sup> Рукопись воспоминаний И. С. Карпова почти целиком опубликована нами совместно с С. С. Гречишкиным. См.: Новый мир. 1992. № 1. С. 7—76.